

**МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ:
ФЕОДОСИЙ II МЛАДШИЙ
В ВОСПРИЯТИИ ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОРИКОВ
И ХРОНИСТОВ V–XII вв.**

Феодосий II Младший в истории Византии заслуживает определения “загадочного правителя”. За свою не слишком короткую жизнь и долгое правление он не снискал лавров военных побед, не проводил крупных реформ в государстве. Внешнее впечатление “вялой” деятельности Феодосия давно стало одной из прекрасных иллюстраций для создания картины “упадка” Римской империи V в.¹

Тем не менее известно, что длительное и стабильное правление Феодосия II сыграло важнейшую роль в обособлении Восточной Римской империи от Западного Средиземноморья, в формировании собственно Византии. В эпоху Аркадия и Феодосия II Восточная империя пережила период, когда угроза со стороны варваров для существования этого государства была наиболее велика, но ромеи сумели справиться с чередой нашествий готов и гуннов. Важными были происходившие в это время глубокие изменения в политической системе государства. Аркадий и Феодосий II окончательно отказались от традиции эпохи “солдатских императоров”, начали искать основы новой политической идеологии. Они ограничили свою деятельность рамками константинопольского дворца, окружили себя уже не только воинами, но и пышным придворным церемониалом, различными чинами гражданских ведомств и церкви. Для укрепления своей власти вместо военных побед они избрали религиозное служение. После ранней смерти Аркадия действительным исполнителем новой программы династии стал именно Феодосий II Младший². Таким образом, роль этого императора для истории

¹ “Слабость” характера Феодосия II стала лейтмотивом во многих классических работах по истории Византии этого периода. В ней часто видели свидетельство серьезного кризиса государственности Римской империи, находящейся на пороге гибели. См., например: *Гиббон Э.* Закат и падение Римской империи. Т. 3. М., 1997. С. 543–551; *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 1. М., 1996. С. 128–132.

² Современной обобщающей работы по истории Византии эпохи Феодосия II Младшего до сих пор не существует, несмотря на очевидное первостепенное значение этого периода для истории Византии. Интересующийся этой эпохой читатель должен в основном пользоваться общими работами по истории Византии. См., например: *Stein E.* Histoire du Bas-Empire. Paris; Bruxelles; Amsterdam, 1959. В некоторых работах последних десятилетий уделялось внимание отдельным аспектам жизни империи того времени: *Holum K.G.* Theodosian Empresses: Women and Imperial Dominion in Late Antiquity. Berkeley, 1982; *Dagron G.* Naissance d’une capitale. P., 1974; *Harris J.* Pius Princeps: Theodosius II and Fifth-century Constantinople // *New Constantines* / Ed. P. Magdalino. Brookfield, 1994. P. 35–44; *Millar F.* A Greek Roman Empire: Power and Belief Under Theodosius II (408–450). Berkeley, 2006. Достаточно хорошо исследованы императорские энкомии эпохи Младших Флавиев и отразившаяся в них новая государственно-теократическая идеология: См.: *Cameron A.D.E.* Claudian: Poetry and Propaganda at the Court of Honorius. Oxford, 1970; *Eadem.* Literature and Society in the Early Byzantine World. L., 1985; *Курбатов Г.Л.* Ранневизантийские портреты. Л., 1991.

Византии очень велика. Именно опыт его правления более, чем любой другой, повлиял на формирование политической и идеологической традиции Византийской империи, на становление взаимоотношений государства и церкви, на основы придворной культуры, столь ярко выделяющей Византию на фоне всех других стран Востока и Запада.

Тем не менее восприятие Феодосия Младшего и его эпохи до сих пор остается крайне противоречивым. Монарху не удается “выйти” из обширной тени, отбрасываемой образами “великих” императоров IV в., основателей “христианского царства”: Феодосия I Старшего и тем более Константина I. Каковы истоки этих противоречий? Насколько эти противоречия можно объяснить, исходя из анализа не самих исторических фактов V в., а из традиций восприятия этих событий в разные времена? Насколько вообще эти противоречия связаны с историческими фактами, или же они полностью основаны на недостоверных образах памяти? Мы попытаемся проследить развитие исторической памяти о Феодосии Младшем в Византии раннего и среднего периодов³. На наш взгляд, многие “загадки” в оценках эпохи Феодосия как в литературе Нового времени, так и в современной научной историографии восходят именно к особенностям ее восприятия самими византийцами, близкими и далекими потомками его подданных.

Основными источниками для реконструкции памяти византийцев о Феодосии будут служить их исторические сочинения. Во-первых, это работы церковных историков раннего периода: Сократа Схоластика⁴, Созомена⁵, Феодорита Кирского⁶ (все середина V в.), Евагрия Схоластика⁷ (конец VI в.). Во-вторых, всемирные хроники: Иоанна Малалы⁸ (конец VI в.), Иоанна Никиусского⁹ (конец VII в.), Пасхальная хроника¹⁰ (начало VII в.), работы Феодана Исповедника¹¹ (начало IX в.), Георгия Монаха¹² (середина IX в.), Симеона Логофета (в редакции Льва Грамматика)¹³ (X в.), Георгия Кедрина¹⁴

³ Нам представляется здесь необязательным обращение к источникам периода поздней Византии. Как мы увидим ниже, уже в XI–XII вв. рассказы византийских хронистов об эпохе Феодосия пришли к некоему “застывшему” состоянию, когда объем фактологической информации в исторических текстах никак не изменяется. С другой стороны, в поздней Византии особое явление представляет “Церковная история” Никифора Каллиста Ксанфопула, написанная в начале XIV в. на огромном по средневековым меркам объеме самых разных источников. Это произведение, на наш взгляд, совершенно выбивается из рамок традиции “классического” византийского историописания и должно рассматриваться как памятник скорее ренессансной церковно-исторической науки, подобной трудам М. Фляция и Ц. Барония.

⁴ *Socrates Scholasticus*. Kirchengeschichte / Ed. G.Ch. Hansen. B., 1995 (рус. пер.: *Сократ Схоластик*. Церковная история / Под ред. И.В. Кривушина. М., 1996).

⁵ *Sozomenus*. Kirchengeschichte / Ed. J. Bidez, G.Ch. Hansen. B., 1995.

⁶ *Theodoret*. Kirchengeschichte / Ed. L. Parmentier, F. Scheidweiler. B., 1954 (рус. пер.: *Феодорит Кирский*. Церковная история. М., 1993).

⁷ *Evagrius Scholasticus*. *Historia ecclesiastica* / Ed. J. Bidez, L. Parmentier. L., 1898 (рус. пер.: *Евагрий Схоластик*. Церковная история / Под ред. И.В. Кривушина. В 3-х т. СПб., 2001–2003).

⁸ *Johannes Malalas*. *Chronographia* / Ed. L. Dindorf. Bonn, 1831.

⁹ *John of Nikiu*. *Chronicle* / Transl. R.H. Charles. London; Oxford, 1916.

¹⁰ *Chronicon Paschale* / Ed. L. Dindorf. Bonn, 1832.

¹¹ *Theophan*. *Chronographia* / Ed. C. De Boor. Leipzig, 1883.

¹² *Georgius Monachus*. *Chronicon* / Ed. C. De Boor, P. Wirth. Stuttgart, 1978.

¹³ *Leo Grammaticus*. *Chronographia* / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842.

¹⁴ *Georgius Cedrenus*. *Compendium historiarum* / Ed. I. Bekker // CSHB. Bonn, 1838.

(начало XII в.), Иоанна Зонары¹⁵ (середина XII в.), Константина Манасси¹⁶ и Михаила Глики¹⁷ (оба конец XII в.).

Феодосию Младшему, как мало кому из византийских императоров, досталось много теплых слов от историков, склонных обычно скорее к скептицизму. Церковные историки V в. – Сократ Схоластик, Созомен и Феодорит Кирский – внесли большой вклад в развитие придворной пропаганды образа Феодосия Младшего как идеального правителя христианской ойкумены, воплощения религиозного благочестия и нравственной добродетели. В церковных историях, написанных в первой половине V в., правление Феодосия Младшего стало финалом повествования. Подобно “Церковной истории” Евсевия Кесарийского, окончившего ее апофеозом Константина Великого, завершающие разделы работ церковных историков V в. также были проникнуты идеей торжества христианства (православия).

Так, Сократ Схоластик вводит в последнюю книгу своей “Церковной истории” довольно обширный энкомий в честь Феодосия Младшего¹⁸. Этот раздел представляет собой авторское отступление от основной линии рассказа, почти не содержит указаний на конкретные события и факты и посвящен лишь описанию характера Феодосия и некоторых его знаменитых деяний. Сократ уверяет нас, что Феодосий был вовсе не изнеженным обитателем дворца, а строгим приверженцем христианского, почти монастырского распорядка в личной жизни, отличался образованностью, ровностью характера и умеренностью.

Созомен замечает: “Бог ясно показал, что царям всего важнее благочестие, без которого и войска, и царское могущество, и другие средства не благонадежны. Божественная сила, предвидя в Феодосии царя благочестивейшего, вверила попечение о нем и об империи его сестре Пульхерии”¹⁹. Также, по мнению историка, богоугодность правления Феодосия проявилась в легких победах над внешними врагами и узурпаторами, а также в многочисленных случаях обретения мощей и распространении их почитания²⁰.

Феодорит останавливается на ряде грозных знамений, которые, по его мнению, доказывают покровительство небес Феодосию²¹. (Ударами молнии истребляется войско варваров (гуннов) Роила, вторгшееся на Балканы и угрожавшее столице; невиданной силы дождь не позволяет персам вторгнуться в пределы государства ромеев и т.п.) Тем самым церковные историки создали максимально благоприятные предпосылки для сохранения “доброй памяти” о Феодосии Младшем и его правлении. Их влияние, особенно Феодорита Кирского как знаменитого авторитета в православной богословской традиции, должно было способствовать развитию в Византии самой положительной памяти о правителе.

Однако в тех же произведениях церковных историков проявились и первые признаки несоответствия желаемого идеального образа и реальной политики Феодосия Младшего. Конечно, прежде всего это коснулось неоднознач-

¹⁵ *Johannes Zonaras. Epitomae Historiarum. Vol. 1–2 / Ed. M. Pinder. Bonn, 1844.*

¹⁶ *Constantinus Manasses. Breviarium historiae metricum / Ed. I. Bekker. Bonn, 1837.*

¹⁷ *Michael Glycas. Annales / Ed. I. Bekker. Bonn, 1836.*

¹⁸ *Socrates Scholasticus. VII. 22.*

¹⁹ *Sozomen. IX. 1.*

²⁰ *Ibid. IX. 2, 16–17.*

²¹ *Theodoret. V. 36–37.*

ных результатов проведенных при Феодосии церковных соборов. Будучи современниками и отчасти очевидцами соборов середины V в., церковные историки по разным причинам старались не затрагивать эту тему в своих сочинениях. Лишь в произведении Сократа Схоластика присутствует описание Эфесского собора 431 г., причем, историк проявил при этом недовольство официальной версией объяснения этого события, которая сложилась после примирения Александрийской и Антиохийской церквей в 433 г.

Созомен и Феодорит Кирский вообще оставили церковные соборы эпохи Феодосия за пределами своих произведений. Известно, что Феодорит был активным участником всех соборов того времени и завершил свою церковную историю уже в 450-е годы и тем не менее не стал включать в нее описания соборов. Молчание Феодорита красноречиво. За ним скрывается тяжелое разочарование в результатах деятельности правительства Феодосия Младшего и, возможно, всего сообщества церковных иерархов того времени. Ощущается здесь также и смущение писателя, который наряду с другими риторами своего времени раздавал похвалы императору как опоре благочестия в обществе и церкви, но обманулся в своих надеждах и теперь должен был, испытывая унижение, переписывать свою историю, пересматривать когда-то сложившиеся концепции, противоречить самому себе и признаваться в собственной недалекости.

Разочарование Феодорита и его современников не нашло отражения в церковных историях V в. Однако разочарование в церковной политике Феодосия, безусловно, доминировало в византийском обществе 450-х годов. Общее замешательство и недовольство проявилось более всего в “поспешном” созыве Халкидонского собора в 451 г. сразу после неожиданной смерти императора. На нем преемники Феодосия попытались исправить его ошибки – и немедленно наделали своих. Растерянность византийцев сохранялась и позднее, поскольку результаты соборов середины V в. уже невозможно было отменить. Они продолжали оказывать влияние на жизнь империи. Таким образом, неизбежно в произведениях византийцев должно было проявиться и другое, отличное от отраженного в панегириках, отношение к Феодосию и его эпохе.

Как же повлияли столетия на образ Феодосия? Спустя 150 лет после смерти Феодосия его временем интересовался Евагрий Схоластик, продолжатель традиции церковной истории. У Евагрия эпоха Феодосия представлена как начало истории, ее завязка. Перед читателем открываются истоки церковных проблем (это прежде всего раскол халкидонитов, несториан и монофизитов), которым и будет посвящена вся книга Евагрия. Несторианский и евтихианский споры занимают в композиции Евагрия то же место, что и арианский спор в композиции работ его предшественников, историков V в. С этой точки зрения время Феодосия Младшего находит себе параллель в эпохе Константина Великого²². Кроме того, начало истории – наиболее отда-

²² См. *Кривушин И.В.* Ранневизантийская церковная историография. СПб., 1998. С. 202–203. Непосредственное влияние на Евагрия должна была оказать “Церковная история” Феодорита, который тоже многие события описывал весьма торжественным слогом. Точно так же в начальных главах истории Феодорита правление Константина Великого представлялось как всеобщее торжество истины, а ересиарх Арий на этом фоне как “посланник дьявола” (*Феодорит Кирский.* I. 2).

ленное и уже идеализированное в памяти время – как у писателей V в., так и у Евагрия – содержит в себе парадигму “золотого века”, некоего первоначального состояния мира, из которого возникают первые изображаемые писателем конфликты. Можно сказать, что Феодосию II вновь “повезло”. Если в сочинениях V в. его правление изображали как “золотой век” современного писателям христианского мира, то к концу VI в. оно приобрело облик “золотого века” прошлого.

Все эти композиционные установки практически определили образ эпохи Феодосия II в истории Евагрия. Историк не стремится рассказывать о событиях по порядку, как в нижеследующих разделах своего произведения, но хочет охватить это время “одним взглядом”. Как компоненты “золотого века” здесь в рассказах Евагрия выступают знаменитые христианские писатели и святые того времени. Среди них Феодорит Кирский, Исидор Пелусиот, Синесий Киренский, Кирилл Александрийский, Игнатий Богоносец, Клавдиан, Кир Панопольский и прежде всего Симеон Столпник, которому посвящено яркое авторское отступление²³. На этом фоне сам император Феодосий оказывается несколько оттесненным на второй план, однако автор все же подчеркивает его участие в осуждении Нестория, отдельно останавливается на постановлении Феодосия о запрете собраний для несториан, описывает обширное строительство в Антиохии, организованное Феодосием, любовь августы Евдокии к антиохийцам²⁴. Как мы уже отмечали, Евагрий не стремится подробно разбирать историю собора 449 г., возможно, именно потому что она явно диссонирует с общим благожелательным тоном его рассказа. Он первым из историков стремится приписать вину за неудачу собора приближенному императора препозиту Хрисафию, тем самым “отведя удар” от самого Феодосия. Однако Евагрий не желает заострять внимание читателя даже на апологии Феодосия, оставляя в стороне все подробности и упоминая Хрисафию лишь вскользь²⁵. Историк, по сути дела, стремится низвести Эфесский собор 449 г. до уровня незначительного инцидента, который, по его мнению, не может испортить представленную им общую картину процветания церкви и империи в эпоху Феодосия II.

Почти одновременно с Евагрием свой вариант истории Феодосия создает Иоанн Малала. Он сохраняет положительный образ правителя и его эпохи, однако если Евагрий стремился создать некую рациональную картину событий, то Малала опирается в основном на устное романтизированное предание о жизни семьи Феодосия. В центре рассказа Малалы стоит история знакомства, свадьбы, семейной жизни и развода Феодосия и Афинаиды-Евдокии. Малала впервые в византийской традиции излагает со всеми подробностями похожую на сюжет “Золушки” судьбу бедной девушки Афинаиды, дочери философа из Афин, а также знаменитую историю с яблоком, с помощью которого Феодосий уличил Евдокию в связи с магистром Павлином²⁶. Наряду с этим Малала также упоминает многие другие факты событий того времени. Он говорит о приверженности Феодосия к партии пра-

²³ *Euagrius Scholasticus*. I. 13.

²⁴ *Ibid.* I. 12, 18, 20.

²⁵ *Ibid.* I. 10.

²⁶ *Johannes Malalas*. P. 352.8–356.5, 356.17–358.4.

синов²⁷, о разгроме узурпатора Иоанна в Италии и возведении на престол Валентиниана III с помощью войск Феодосия²⁸, о свадьбе Валентиниана и дочери Феодосия Евдоксии²⁹, об угрозе империи со стороны гуннов Аттилы и его разгроме Флавием Аэцием³⁰, о строительной деятельности в Александрии, Антиохии и Константинополе³¹, о землетрясениях на Крите³² и в Никомидии³³, о победе Ареобинда над персами³⁴ и т.д. Малала почти не уделяет внимания церковной истории: он сообщает лишь об основании нескольких новых епархий при Феодосии и о Вселенском соборе 431 г.³⁵ Среди прочего Малала упоминает и Хрисафия, говорит о приверженности Феодосия к нему и о большом влиянии этого человека при дворе, однако из текста хроники неясно, к чему это обстоятельство имеет отношение³⁶.

Как пример развития идеального образа Феодосия интересна хроника египетского автора Иоанна Никиусского конца VII в. В ней, как и в приведенных выше сочинениях, Феодосий являет собой образец христианского правителя, заботящегося о вере и подданных. Хроника весьма богата исторической информацией разного рода, ее раздел о правлении Феодосия обстоятелен. Тем не менее большая часть изложенного Иоанном совпадает с фактами, сохраненными в других византийских исторических сочинениях. Мы, однако, обратим внимание на ее отличия в его интерпретациях событий. Поскольку Иоанн принадлежал к сторонникам монофизитского учения, его представления об истории больших церковных соборов эпохи Феодосия отличаются от доминировавшей в Византии халкидонитской традиции. Но различия эти не исчерпываются церковно-догматическими вопросами.

Как и Малала, Иоанн начинает свой рассказ с истории свадьбы Феодосия и Афинаиды-Евдокии³⁷. Несколько ниже он возвращается к этой семейной теме и рассказывает историю с яблоком³⁸. Однако в устах Иоанна Никиусского этот анекдот приобретает совершенно иной вид. Обвинение императрицы Феодосием выглядит как недоразумение, вскоре после которого царственные супруги примирились. Иоанн отвергает возможность того, что магистр Павлин был казнен из-за истории с яблоком, и утверждает, что Павлин был казнен за попытку организации действительного политического заговора против Феодосия. Тех, кто (подобно Малале) связывает гибель Павлина с историей яблока, Иоанн Никиусский называет лжецами³⁹. Неизвестно, кого

²⁷ Ibid. P. 351.5–352.7.

²⁸ Ibid. P. 356.6–12.

²⁹ Ibid. P. 356.12–16.

³⁰ Ibid. P. 358.5–359.7.

³¹ Ibid. P. 359.8–11, 360.2–20, 361.14–362.1.

³² Ibid. P. 359.15–360.2.

³³ Ibid. P. 363.20–364.2.

³⁴ Ibid. P. 364.3–21.

³⁵ Ibid. P. 365.12–18.

³⁶ Ibid. P. 363.3–8.

³⁷ *John of Nikiu*. Ch. 84.25–37.

³⁸ Ibid. Ch. 87.1–13.

³⁹ См. суд Париса (*Грейвс Р.* Мифы Древней Греции. Екатеринбург, 2005. С. 827–829). Еще в VI в. история с яблоком должна была считаться не более чем сплетней. Евагрий Схоластик открыто порицал писателей, повторяющих “столь нелепые вещи” (Церковная история. I. 21). Тем не менее уже тогда Иоанн Малала ввел этот анекдот в историографический оборот. Вариант истории у Иоанна Никиусского выглядит более достоверно, чем та версия,

конкретно критикует египетский хронист в данном случае. Однако объектом такой критики могли стать и Иоанн Малала, и большинство позднейших византийских (константинопольских) хронистов, опиравшихся на его рассказ.

Египетский хронист вообще отрицает факт разрыва отношений между Феодосием и Евдокией. По его мнению, императрица покинула Константинополь и отправилась в Святую землю с согласия мужа, после того как супруги выдали замуж свою единственную дочь Евдоксию. Но главной причиной пребывания императрицы в Иерусалиме послужило грозное пророчество, о котором царственная чета узнала от египетских монахов. Оно гласило, что у Феодосия не будет наследника мужского пола и поэтому после его смерти истина православной веры будет нарушена. После этого, согласно Иоанну Никиусскому, благочестивые супруги отказались от совместной жизни и соблюдали чистоту⁴⁰.

Разумеется, рассказывая об этом пророчестве, Иоанн Никиусский намекает на Халкидонский собор, воспринятый многими жителями империи именно как отступление от веры. С другой стороны, с помощью этого сюжета он приписывает характеру Феодосия Младшего еще более важные черты, чем просто благочестие и даже “воплощение идеала”. Феодосий Младший для монофизита Иоанна Никиусского – последний “православный” император, благочестия которого, уже более не суждено было достичь позднейшим василевсам ромеев. Безусловно, Иоанн Никиусский не следовал этому тезису на протяжении всей своей хроники. Его отношение к ряду византийских правителей позднейшего времени, например к Юстиниану, было более чем лояльным. Однако вывод об особом статусе Феодосия Младшего как богоугодного правителя стал одним из важнейших в изложенной им истории V в. Кроме того, для нас существенно, что тенденция к идеализации образа Феодосия, которая существовала в исторических сочинениях V в., нашла здесь свое яркое развитие. Образ Феодосия ушел от первоначального панегирического характера, подвергся историческому осмыслению, был сопоставлен с образом Константина, его правление было представлено как “золотой век” (Евагрий), и, наконец, теперь оно приобрело некую эсхатологическую перспективу. В глазах Иоанна Никиусского, и, надо полагать, многих византийцев его эпохи Феодосий оказался последним правителем империи, истинность веры которого не вызывала сомнений.

Таков один из вариантов образа Феодосия. Однако собственно византийская (константинопольская) традиция памяти о Феодосии пошла по иному пути. Феофан Исповедник в своей хронике демонстрирует другой подход к личности Феодосия. Среди большого и разнородного фактического материала, собранного в его сочинении, фигура Феодосия просто теряется. Для Феофана этот император – просто один из правителей империи в ее долгой истории, – не хуже многих других, но и не лучше. Феофана уже не интересуют перипетии семейной жизни Феодосия, находившиеся в центре повествования

которая после Иоанна Малалы закрепилась в византийской хронистике. Возможно, интерпретация Иоанна Никиусского восходит к самой Афинаиде-Евдокии, которая, по известиям различных авторов, живя на склоне лет в Иерусалиме, настойчиво отрицала все обвинения в неверности Феодосию и в связи с Павлином (*Johannes Malalas*. P. 358.1–4; *Georgius Monachus*. P. 609.20–610.6). Однако и в этом случае у нас нет возможности что-либо отвергнуть или подтвердить эти предположения.

⁴⁰ *John of Nikiu*. Ch. 87.14–22.

Малалы и Иоанна Никиусского. О свадьбе императора с Афинаидой-Евдокией Феофан сообщает одной фразой⁴¹, никак не раскрывает тему благочестивого правления девственницы Пульхерии и ее сестер, нигде не останавливается на описании достоинств характера и интеллекта императора. Тем самым Феофан лишает Феодосия и его окружение того романтического облика, который был так важен для многих авторов более раннего периода. Феофан уделяет большое внимание истории церковных соборов эпохи Феодосия и в этой связи впервые в византийской историографии раскрывает подробности интриги препозита Хрисафия против епископа Флавиана Константинопольского⁴². Изображение Хрисафия как главного виновника торжества монофизитства на Эфесском соборе 449 г. в том виде, как это представил Феофан, отчасти спасало репутацию Феодосия, выводя его из-под прямых обвинений в вероотступничестве. Однако, согласно изложенной Феофаном версии, император был обманут Хрисафием, а подвергшийся обману правитель, естественно, уже никак не заслуживал идеализации.

О слабости Феодосия как личности может говорить также и эпизод с яблоком, который Феофан воспроизводит близко к варианту Иоанна Малалы⁴³. Феофан не делает каких-либо выводов о произошедшем между императором, Евдокией и казненным магистром Павлином, но в контексте всех прочих деталей Феодосий выглядит у хрониста скорее отрицательно. Он казнил не только Павлина, но позднее приказал обезглавить некоторых приближенных императрицы уже после того, как она навсегда уехала в Иерусалим⁴⁴. У читателя “Хронографии” складывается впечатление об императоре как о ревнивце и недалеком человеке.

В основном сходным образом выглядит Феодосий и в хронике Георгия Монаха. Этот автор обычно отбрасывает все подробности описываемой им эпохи и останавливается собственно на образе правителя. Надо отметить, что в отличие от Феофана Георгий Монах сохраняет кое-что от романтизма ранневизантийских хронистов. Георгий Монах передает рассказ о тайном посещении Феодосием некоего монаха и о беседе с ним⁴⁵, воспроизводит он и историю “золушки” Афинаиды-Евдокии⁴⁶, и эпизод с яблоком Феодосия⁴⁷. Большое внимание уделяет он и житию Симеона Столпника, ставшего знаменитым в правление Феодосия, однако характерно, что описание подробностей подвигов святого перенесено им со времени Феодосия (как было у Евагрия) на время правления Маркиана. Тем самым имя великого святого хронист пожелал связать с именем достойного, по его мнению, императора, а не Феодосия⁴⁸. Опираясь на традицию различных придворных анекдотов, Георгий Монах развивает тему недостатков Феодосия, называет его ленивым и легкомысленным (ὁ δὲ φύσει ἄσθρὸς τε καὶ ἀπερίσκεπτος εἰς πάντα). В доказательство этого он приводит рассказ о том, как будто бы однажды сестра императора Пульхерия подала ему на подпись грамоту, где говорилось о пе-

⁴¹ *Theophan.* P. 83.18–22.

⁴² *Ibid.* P. 98.11–99.18, 100.2–8, 12–16, 101.27–32.

⁴³ *Ibid.* P. 98.26–99.28.

⁴⁴ *Ibid.* P. 101.28–102.8.

⁴⁵ *Georgius Monachus.* P. 607.13–608.9.

⁴⁶ *Ibid.* P. 608.10–609.2.

⁴⁷ *Ibid.* P. 609.2–610.6.

⁴⁸ *Ibid.* P. 612.21–616.3.

редаче ей в рабство Евдокии, жены императора⁴⁹. Феодосий, подписавший не читая такое постановление, действительно выглядит не самостоятельным правителем, а игрушкой в руках придворных интриганов – Хрисафия, Аттика, Пульхерии и др. Интересно, что анекдот с грамотой Пульхерии был рассказан также Иоанном Никиусским, но в его хронике ему было придано другое значение. Египетский хронист всецело стоял на стороне Феодосия. Согласно ему, подложная грамота была частью плана заговора, устроенного Пульхерией, и именно за это преступление сестра императора была удалена из дворца⁵⁰.

Таким образом, отказавшись от подробного изложения фактов и событий эпохи, Георгий Монах передает в концентрированном виде мифологизированную традицию памяти о Феодосии. Эта традиция сочетает в себе, с одной стороны, представление о благочестии императора, привлекательную историю его семьи, а с другой – сведения о его личных недостатках и легкомыслии, которое стало причиной распада семьи. Георгий Монах, будучи не исследователем, а скорее “сказителем”, не стремился согласовать эти противоречивые стороны образа императора.

Следующий шаг в развенчании образа Феодосия сделали хронисты X в., в частности Симеон Логофет в его хронике в редакции Льва Грамматика⁵¹. Этот текст в основном близок к Иоанну Малале, за исключением вопросов церковной истории. В отличие от Малалы хронист X в. подробно останавливается как на Эфесском соборе 431 г., так и на истории константинопольских епископов того времени: он упоминает Арсакия, Аттика, Сисинния, Нестория, Прокла и Флавиана, занимавших столичную кафедру после Иоанна Златоуста (при этом забывая о Максимине)⁵². Еще одна важная черта текста Симеона Логофета – описание личных качеств Феодосия, в котором он отмечает образованность императора, его увлечение астрономией, милосердие, аскетизм. Но здесь же он указывает и на то, что Феодосий был склонен поддаваться влиянию евнухов, которые его практически “порабощали”. Он указывает на них как на фаворитов, последовательно распорядившихся делами государства (это Евтропий, Лавс, Калоподий и Хрисафий)⁵³. При всей нейтральности отношения хрониста к императору такого рода обвинение серьезнее всех прочих недостатков, на которые историки и хронисты обращали внимание прежде.

К XI–XII вв. византийская хронистика подошла, уже полностью отбросив первоначальный образ Феодосия Младшего как идеального императора. Критика в его адрес становилась все более уверенной, обвинения все более тяжкими. Обращаясь к хроникам XI–XII вв. мы сразу можем сказать, что никаких новых явлений в них по отношению к предшествующей тенденции нами не обнаружено. Хронисты этого времени уже не обладают какими-либо свежими источниками о правлении Феодосия; к сожалению, не пользуются и сочинениями церковных историков V–VI вв.

Все хронисты этого времени – Георгий Кедрин, Иоанн Зонара, Константин Манасси и Михаил Глика – воспроизводят всё ту же историю семьи Феодосия:

⁴⁹ Ibid. P. 611.5–11.

⁵⁰ *John of Nikiu*. Ch. 87.29–33.

⁵¹ *Leo Grammaticus*. P. 106.13–111.2.

⁵² Ibid. P. 109.17–24, 110.10–11.

⁵³ Ibid. P. 107.11–23.

происхождение Афинаиды-Евдокии, свадьба, инцидент с яблоком и отъезд Евдокии в Иерусалим⁵⁴. В тех случаях, когда эта последовательность событий излагается сжато, как это делают Зонара, Глика и Манасси, она может восприниматься как лишнее доказательство переменчивости характера императора.

Ключевым эпизодом для описания образа Феодосия у хронистов послужила известная история с грамотой императрицы Пульхерии, которую император подписывает не читая. Все хронисты обязательно упоминают о легкомыслии Феодосия и приводят этот эпизод; в композиции их рассказов он занимает важное место⁵⁵. И этот эпизод, выглядевший первоначально у Иоанна Никиусского как некое свидетельство о внутривосточной борьбе, возможно, о заговоре Пульхерии (впрочем, довольно туманное), в глазах византийцев XI–XII вв. окончательно становится ключевым в оценке характера императора. Можно без преувеличения сказать, что в памяти византийцев о Феодосии именно этому инциденту придается универсальное значение. Для них Феодосий Младший – просто правитель, подписавший не читая грамоту о передаче своей жены в рабство своей сестре.

Георгий Кедрин, следуя за Симеоном Логофетом, упоминает о том, что император попадал в зависимость от евнухов⁵⁶. Однако Иоанн Зонара уже стремится избежать такой крайности и воспроизводит информацию о евнухах при дворе более обтекаемо. Он пишет, что евнухи (названы Антиох, Амантий и Хрисафий) пользовались мягкостью характера императора и допускаемые им к рычагам власти сделали много недостойного. Такая формулировка, пожалуй, лишней раз напоминает о безволии императора, но уже не содержит намека на что-либо большее⁵⁷.

Таким образом, в хрониках XI–XII вв. память о Феодосии как будто “застывает”. Из одного текста в другой повторяется стандартный набор многочисленных сюжетов, рассказов полуанекдотического и полумифологического характера. Несмотря на многочисленность хроник этой эпохи, ни в одной из них не было сделано попытки самостоятельно рассмотреть личность Феодосия, его правление и его эпоху. Тенденция к критике Феодосия, которая развивалась в хрониках IX–X вв., получила окончательное закрепление. Из первоначального воплощения-образа идеального правителя обновленной христианством ойкумены, основателя византийской придворной культуры, каким он был для писателей V–VI вв., Феодосий Младший превратился в благочестивого, но инфантильного, недалекого и, в сущности, второстепенного исторического персонажа. В борьбе за “добрую память” потомков в государстве, одним из основателей которого он был, Феодосий Младший оказался неудачником.

⁵⁴ Свадьба имп. Феодосия и Афинаиды-Евдокии: *Georgius Cedrenus*. Vol. 1. P. 590.8–18 (ср.: *Georgius Monachus*. P. 608.11–609.2); *Johannes Zonaras*. P. 100.18–102.12; *Constantinus Manasses*. *Michael Glycas*. P. 484.1–14. История с яблоком: *Georgius Cedrenus*. P. 590.21–591.15 (ср.: *Georgius Monachus*. P. 609.2–610.6); *Johannes Zonaras*. Vol. 2. P. 110.9–111.16; *Constantinus Manasses*. 2663–2701; *Michael Glycas*. P. 484.14–485.4.

⁵⁵ Грамота Пульхерии: *Georgius Cedrenus*. P. 600.15–601.1 (ср.: *Georgius Monachus*. P. 611.5–11); *Johannes Zonaras*. Vol. 2. P. 109.13–110.8; *Michael Glycas*. P. 486.3–16; *Constantinus Manasses*. 2718–2735.

⁵⁶ *Georgius Cedrenus*. P. 587.7–11; Ср.: *Symeon Logothetes*. P. 107.11–23.

⁵⁷ *Johannes Zonaras*. Vol. 2. P. 112.8–12.